

ДЖЕЙН ЙОЛЕН

ПРИНЦЕССА
ШИПОВНИЧЕК

Джейн Йолен

Принцесса Шиповничек

Издательский дом «Книжники»

1992

УДК 821.131.1
ББК 84(4Анг)

Йолен Д.

Принцесса Шиповничек / Д. Йолен — Издательский дом
«Книжники», 1992

ISBN 978-5-906999-82-5

«Я была принцессой в замке в заколдованном лесу. Опустилась ужасная мгла, и мы все заснули. Но принц поцеловал меня, и я проснулась. Только я». С самого детства Ребекка была очарована сказкой про Спящую красавицу, которую так часто рассказывала ей бабушка Гемма. Однако на смертном одре Гемма вдруг признается, что сказочная принцесса Шиповничек — это она сама. Ребекка обещает исполнить последнюю бабушкину волю: найти замок, принца и того, кто наложил заклятье. Джейн Йолен пересказывает сюжет старинной сказки «Принцесса Шиповничек», больше известной как «Спящая красавица», перенося события в польские леса лета 1942 года. Как же можно это совместить? Жестокую историческую реальность с лагерями смерти, обреченными партизанами, ядовитым газом — и волшебную сказку про принцессу, которую пробудил от векового сна поцелуй принца. Аккуратная, без излишней сентиментальности, и в то же время пронзительная книга о добре и зле, надежде и отчаянии. И, конечно, о любви.

УДК 821.131.1

ББК 84(4Анг)

ISBN 978-5-906999-82-5

© Йолен Д., 1992
© Издательский дом
«Книжники», 1992

Содержание

Предисловие	6
Откуда взялась Принцесса Шиповничек	8
Дом	10
Глава 1	11
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	18
Глава 5	24
Глава 6	25
Глава 7	28
Глава 8	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Джейн Йолен

Принцесса Шиповничек

*Чарльзу и Мэри-Энн де Линт и Сьюзен Шварц —
просто так...*

Особая благодарность – Барбаре Даймонд Голдин, Сташеку Родошу, Линде Манхейм, Бетси Поцци, Питеру Герлоне, Мэри Тейфке, Алисе Гаан, Сьюзен Ландау и Скотту Скенлону за помощь в исторических изысканиях. Любые допущенные ошибки – всецело моя ответственность.

Предисловие

«Принцесса Шиповничек» – одно из названий старинной сказки «Спящая красавица», вероятно, самой известной и самой любимой сказки в Европе и Америке. Невозможно сказать, как давно существует эта сказка, нет никаких письменных источников, указывающих на то, когда ее начали рассказывать, но одно мы знаем наверняка – нашей уснувшей принцессе по крайней мере несколько веков. Мы находим эту сказку в каталанской рукописи четырнадцатого века («Frayre de Joy e Sor de Placer»), во французском рыцарском романе шестнадцатого века «Персефорест» («Perceforest») и в «Пентамероне» – коллекции итальянских сказок, собранных Джамбаттистой Базиле и опубликованных в 1636 году. Если же взглянуть в сторону Востока, то найдутся и более древние китайские и арабские ее варианты.

В прошлые века сказки предназначались не столько для детей, сколько для людей постарше, и были куда страшнее (и куда грубее!), чем те, что мы знаем сегодня в виде диснеевских мультфильмов. Сказки тогда рассказывали и малым, и старым. Итальянскую Спящую красавицу будит не нежный поцелуй принца, а два младенца, которых она рождает, пока спит беспробудным сном. Исследователи полагают, что именно итальянская «Спящая красавица» вдохновила француза Шарля Перро на то, чтобы сочинить знаменитую версию сказки, опубликованную в Париже в 1697 году. Спящая красавица Перро окружена изысканным королевским двором, наподобие французского, хорошо известного рассказчику. Перро добавил злую фею, задумавшую страшную месть, и другие детали. В его сказке (как и у Базиле) нет никакого «жили долго и счастливо» после того, как принцесса просыпается. Нет – в этих старинных версиях принц увозит принцессу и ее детей домой в свое королевство, которым в его отсутствие управляет мать-людоедка. Принц вынужден отлучиться на войну и оставить семью на попечение матери. Людоедка незамедлительно приказывает кухарке убить детей и приготовить из них жаркое. Она съест мальчика, она съест девочку, а потом и молодую невестку. Но кухарка обманывает хозяйку, да и принц возвращается в самый ответственный момент. Людоедка умирает, и только тут молодые достигают полного счастья.

В начале девятнадцатого века братья Grimm, Вильгельм и Якоб, включили в свой сборник немецкую версию «Принцессы Шиповничек», однако, вероятно, эта версия испытала немалое влияние французской и итальянской сказок. Братья Grimm упростили сюжет, выкинули из него детей и мать-людоедку. В их версии, в отличие от ранних вариантов, принцессу будит поцелуй пылкого влюбленного. Все придворные тоже просыпаются, и сказка заканчивается свадьбой.

В 1729 году сказка появилась на английском в сборнике Роберта Сэмбера «Истории, или Сказки былых времен», а версия братьев Grimm была переведена на английский лишь в 1823 году. Эндрю Лэнг, фольклорист и издатель, живший во времена королевы Виктории, использовал сокращенную версию сказки Перро в своей «Голубой книге сказок», увидевшей свет в 1889 году. Было немало и других изданий, включая роскошный том пересказов сэра Артура Куиллера-Коуча с иллюстрациями Эдмунда Дюлака (1910). Самая знаменитая версия, созданная в двадцатом веке, появилась, однако, не в виде книги – это полнометражный мультфильм Уолта Диснея «Спящая красавица», вышедший на экраны в 1959 году. Как и во всех сказочных мультфильмах Диснея, в «Спящей красавице» многое упрощено, четко расставлены акценты – кто хороший, а кто плохой, ведь зрителями должны были стать юные американцы. В наши дни уже и представить трудно, что «Спящая красавица» может быть какой-то другой.

Джейн Йолен – именно тот автор, который способен вдохнуть в старую сказку новую жизнь. С одной стороны, Йолен опирается на вековую историю и символическое значение волшебной сказки, а с другой – пересказывает ее по-своему, создавая современный текст для современного читателя. Йолен написала немало превосходных волшебных историй для детей

и взрослых. Но при этом она еще и всеми уважаемый исследователь сказок, исполнительница устных рассказов и редактор отмеченных множеством наград сборников сказок народов мира.

В 1980-х годах я была начинающей издательницей в Нью-Йорке, и уже тогда Джейн Йолен вызывала у меня огромное восхищение. И не только как замечательная писательница – одна из самых мною любимых. Йолен превосходно разбиралась во всем богатстве мира волшебных сказок. Я тоже невероятно люблю сказки, поэтому мне и пришла в голову идея серии книг, где бы в основу были положены классические сказочные сюжеты. Так появились «Волшебные сказки», куда вошли произведения таких известных авторов в жанре фэнтези, как Патриция С. Рид, Памела Дин, Чарльз де Линт и Танит Ли. Когда Джейн согласилась написать книгу для этой серии, моему восторгу не было предела!

Она выбрала «Спящую красавицу», поскольку всегда восхищалась этой сказкой – при этом, по ее собственному признанию, сентиментальный мультфильм Диснея ее ужасно раздражал. Действие в повести Йолен должно было происходить в современной Америке и в Польше времен Второй мировой войны. Когда она рассказала мне сюжет, сердце у меня замерло. Превосходная идея! Превосходная и пугающая.

Позже Джейн призналась, что писать книгу было невероятно трудно, поскольку пришлось погрузиться в самые тяжелые моменты истории Второй мировой войны. Когда героиня книги Бекка Берлин решает отправиться в Польшу, чтобы понять, есть ли какой-то смысл в путанице бабушкиных рассказов, это путешествие оказывается и мучительным, и целительным – и для Бекки, и для читателя.

«Принцесса Шиповничек» – до сих пор самая любимая и самая известная книга в серии «Волшебные сказки». И я очень рада, что новое издание позволит познакомиться с этим произведением еще более широкому кругу читателей. Это очень важная, очень необычная книга, прекрасно отражающая вечную силу волшебной сказки. На протяжении многих столетий богатый символами язык сказки помогал людям говорить и о страшном, и о прекрасном, и обо всем, что лежит между этими полюсами. Джейн Йолен понимает этот язык лучше многих других. И лучше многих других говорит на нем.

*Терри Уиндлинг
Ноябрь 2001 года*

Откуда взялась Принцесса Шиповничек

Как и дорога в волшебной сказке, путь к написанию и к изданию книги временами тернист, а временами гладок. Писателю не стоит доверять ни терниям, ни гладкой дороге. Надо искать свой срединный путь, искать своих героев и их истории.

Всего несколькими годами ранее я закончила другую историю о Холокосте – «Дьявольскую арифметику» и поклялась никогда больше не писать на эту тему. Собирать материалы пришлось очень долго, поиски заводили меня в гущу мрачных, кровавых, нечеловеческих, ужасных, ставших настоящей трагедией событий. И в то же время в этих историях хватало доблести, отваги, самопожертвования и любви. Сбор материалов и работа над книгой выжали меня до капли – эмоционально и духовно.

Но потом Терри Уиндлинг, добрая знакомая и издатель серии «Волшебные сказки», пригласила меня на ланч. Она рассказала, что в серии не хватает современного пересказа «Спящей красавицы».

Мне всегда было слегка не по себе от этой сказки (загляните в версию Джамбаттисты Базиле, если не понимаете, что я имею в виду).

Но пока мы разговаривали, я вдруг вспомнила историю, на которую наткнулась, когда собирала материалы для «Дьявольской арифметики». Из документального фильма «Шоа» я узнала о концентрационном лагере Хелмно, который размещался в *schloss*, в замке. Лагерь окружала колючая проволока, и множество людей – в основном евреев – были убиты там в газовых камерах. Я рассказала об этом Терри и поняла, что это полная аналогия истории «Спящей красавицы»: девушка / женщина в замке, колючая проволока / колючий кустарник, смерть от газа / сон, нацистский комендант / злая фея.

Терри сказала «Напишите мне книгу!» и заплатила за ланч.

Гладкая дорога. Не доверяй ей!

Я вернулась домой и подумала: «Что же я натворила!». Я подумала: «Опять придется закопаться в этот ужас!» Я подумала: «Да что там, пара пустяков, идеальная метафора».

Я вытащила кучу старых материалов: книги, записи, биографии, автобиографии, газетные вырезки и журнальные статьи – никаких упоминаний о Хелмно. Я отправилась в библиотеки Колледжа Смит и Массачусетского университета (я живу неподалеку) – ни малейших упоминаний о концентрационном лагере, который бы размещался в *schloss*.

Я решила – наверно что-то перепутала, купила диск с фильмом «Шоа» и снова его пересмотрела. Все девять часов. Нашла упоминание Хелмно, подумала, что записала название неправильно, вернулась в библиотеку – ничего!

Вспомните 1987 и 1988 годы. Самое начало Интернета. У меня еще даже компьютера не было, а мой муж при этом работал компьютерным специалистом в Массачусетском университете.

Тернистая дорога. Не доверяй ей!

И тут мне немножко повезло. Случилось это на книжной ярмарке в Еврейском центре на 92-й улице в Нью-Йорке. Я подписывала экземпляры «Дьявольской арифметики» и во время перерыва решила перекусить. Надо было найти книгу, чтобы почитать за едой (вы же тоже за едой читаете?). Обошла несколько издательских прилавков, собирая разные книги. За одним из столов наткнулась на брошюру с рекламой новой Еврейской энциклопедии. В брошюре приводились три энциклопедические статьи. Я села, начала читать – верьте или не верьте – одна из статей была о Хелмно. В полном изумлении я аккуратно засунула брошюру в сумочку. Я уже мечтала о том моменте, когда вернусь домой и позвоню издателю: я готова взяться за книгу!

Что это было – удивительное везение, судьба, подсказка от Бога, случайность, синхронность событий – назовите как хотите. Но в результате я смогла отыскать и многие другие материалы и скоро уже была готова сесть за работу.

Но одно дело – собрать материалы, другое – написать книгу. Тут главное – сюжет и герои. А откуда появляются эти герои? В разных книгах – по-разному.

Я уже знала в общих чертах, где будет происходить действие. В Хелмно – потому что я многое узнала об этом месте. В Хэтфилде – потому что там есть польский клуб и редакция газеты в старой мельнице. И потому что я там жила (и живу сейчас).

Книга начнется в доме престарелых в Хэдли в штате Массачусетс, где мой отец провел последние четыре месяца своей жизни. Я ездила туда почти каждый день, чтобы побыть с ним. Перед этим он четыре года жил с нами, у него была болезнь Паркинсона и другие проблемы со здоровьем. А в Польше? Одна моя знакомая только что вернулась из Польши. Я пригласила ее на ланч и попросила описать те места, где она побывала: аэропорт, поля, дороги, их вид и запах. И все подробно записала.

Я знала – или думала, что знаю – на кого будут похожи мои герои: на разных людей, которые живут в нашем городке. Пусть редактор газеты выглядит почти так же, как муж моей подруги Джейн Дайер – он примерно того же возраста.

Но Йозеф Потоцкий меня удивил – возможно, когда вы будете читать книгу, он удивит и вас. Предполагалось, что он-то и будет дедушкой Бекки. По крайней мере, так написано в моих черновиках. А потом... потом все получилось иначе.

Герои, они такие – берут и удивляют самого автора. Когда это, как по волшебству, происходит, в книге что-то меняется, появляется что-то новое, что-то растет и улучшается.

Другой волшебный момент возник, когда жена моего сына, медсестра, выяснила по моей просьбе, как выглядят люди, отравленные угарным газом. Через два дня она позвонила мне из Миннеаполиса, где они живут, чтобы прочитать страницу из медицинской книги – у жертв газового отравления щеки покрываются розовыми пятнами. Вот она, моя Принцесса Шиповничек. И я, и моя невестка никак не могли успокоиться.

Это и есть волшебство срединного пути.

Самое лучшее волшебство.

Даже когда писать надо о невероятно трудных, страшных, непереносимых вещах.

Даже тогда.

Джейн Йолен

2015 год

Ферма «Феникс», Хэтфилд, Массачусетс

И народные, и литературные волшебные сказки опираются на древнюю историю: они происходят из характерной борьбы за очеловечивание грубых и диких сил, которые вселяют реальный страх в наши души и сообщества, угрожая уничтожить свободу воли и человеческое сочувствие. Сказки пытаются победить этот страх метафорами.

Джек Зайнс «Волшебные заклинания»

Дом

Источниками мифа в гораздо большей степени служат обрывки слухов – от отца к матери, от соседа к соседу, когда они болтают, облокотившись о забор. Намек, старательно перевернутый секрет, палец, приложенный к губам в знак молчания, – и рассказы собираются, как дождевые облака. Можно было бы сказать, что ребенку и читать необязательно, достаточно подслушивать. Острый слух и неприметность – вот и все, что нужно. Пусть ребенка не видно, зато ему все слышно.

П. Л. Трэверс «О Спящей красавице»

Кто не любит волшебные сказки? Ведь каждый раз хочется, чтобы все закончилось хорошо. Рассказываешь сказку – и в каком-то смысле говоришь неправду, хотя часто подозреваешь – то, что кажется ложью, на самом деле скрытая правда.

Ральф Харпер «Спящая красавица»

Глава 1

– Гемма, ну пожалуйста, расскажи свою сказку, – умоляла Шана, обнимая бабушку и вдыхая такой особый, такой только ее запах – смесь талька с лимоном.

– Какую сказку? – Гемма продолжала крошить яблоки в деревянную миску.

– Сама знаешь какую.

– Да-да, сама знаешь, – подхватила Сильвия. Она придвинулась поближе к бабушке и вслед за сестрой окунулась в аромат талька и лимона.

– Пятая касавя. Пятая касавя, – принялась колотить ложкой по чашке крошка Ребекка.

Шана скорчила гримасу. Даже совсем маленькой она никогда не коверкала язык и не лепетала по-младенчески. Всегда полными предложениями, утверждала мама.

– Пятая касавя? – улыбнулась Гемма. – Ну ладно.

Сестры дружно кивнули и немножко отодвинулись – словно для сказки нужно было бабушкино лицо, а не только бабушкин запах.

– Давным-давно, в стародавние времена, до всякого времени, но не в самое прекрасное время, – начала бабушка, а две старшие девочки вслед за ней шепотом повторяли зачин сказки, – в одной стране был замок, а в замке жил король, который ни о чем так не мечтал, как о ребеночке. «Твои слова да в Господни уши», – повторяла королева каждый раз, когда он заговаривал о ребеночке, но шли годы, а детей у них все не было.

– Не было, не было, не было, – запела Ребекка, колотя в такт ложкой по чашке.

– Заткнись! – хором велели Шана и Сильвия.

Гемма отобрала у Ребекки ложку и чашку и дала ей взамен ломтик яблока.

– Но в конце концов, в один прекрасный день, в самое что ни на есть подходящее время королева легла в постель и родила девочку с рыжей, как огонь, копной волос. – Гемма чуть дотронулась до своей головы, где седые кудри колючей проволокой перевивались с рыжими. – Девочка была хороша, как полевой цветок, и король решил назвать ее...

– Шиповничек, – хором выдохнули Сильвия и Шана.

– Шиповничек, – повторила Ребекка, но она жевала яблоко, и вышло не очень разборчиво.

Глава 2

Была весна, по крайней мере, по календарю, но всю ночь, укутывая улицы Холиока, падал мягкий снег. «Линкс» карабкался по скользкому холму и уже не мурлыкал, а издавал хриплое рычание, как до того «Мерседес», который пришлось оставить внизу на стоянке.

– Говорила же маме, что «Мерседес» полное барахло, а ей бы только смеяться. – Сильвия вновь принялась теревить витую золотую сережку. На этот раз левую, правую она уже оставила в покое.

– А я ей сказала – раз у папы кризис среднего возраста, ему бы лучше завести любовницу, а не «Мерседес». Любовницы, по крайней мере, обходятся дешевле. – Шана всегда норвила перещеголять сестру в остроумии.

Сестры обменялись понимающими улыбками. Да уж, они за словом в карман не полезут. Обе темноволосые, с широко расставленными глазами и высокими скулами, – похожие, словно близнецы, несмотря на полтора года разницы.

Бекка, младшая, взглянула на обеих и вздохнула – ей в их магический круг доступа нет. И никогда не было. Заставила недовольно урчащую бежевую машину вскарабкаться на следующий, последний, пригорок, удержала уверенной рукой, не дала забуксовать.

– Ну, давай же, еще чуть-чуть, Росинант, – бормотала она. Бекка купила машину весьма и весьма подержанной, и имя Росинант запросилось само. Ей было неудобно, если у верой и правдой служащих механизмов не было собственного имени. – Давай, голубчик, еще немного в горку.

Машина добралась до вершины холма. Бекка привычно свернула направо, на Кэбот-стрит, и затормозила перед трехэтажным кирпичным зданием дома престарелых.

– Ну все, приехали, – сказала она то ли машине, то ли сестрам.

Сильвия и Шана быстро выскочили из машины и, проклиная погоду, поспешили внутрь. Даже не остановились, чтобы стряхнуть мокрый снег с модных сапожек.

Заперев все четыре дверцы автомобиля, Бекка последовала за сестрами. Перед тем как войти в здание, она запрокинула голову и поймала на язык несколько снежинок. Волшебство! Даже если в такую погоду водить машину, снег все равно кажется каким-то чудом. Особенно в этом году, когда по всем телеканалам прогнозы обещали полное отсутствие осадков.

Музыкальный утренник в просторной гостиной дома престарелых был в самом разгаре. Руководил процессом лысоватый мужчина с банджо. Торопливо, от энтузиазма глотая слова, он убеждал присутствующих спеть хором. Его указаниям пытались следовать около сорока обитателей дома. Они образовали пять довольно ровных рядов из кресел-каталок и стульев с прямыми спинками. Все, кроме миссис Хартсхорн. Она, как всегда, сидела в углу и теревила свои длинные выцветшие косички, похожие на дреды. Даже медсестры не обращали на нее внимания.

– Здравствуйте, миссис Хартсхорн, – дружески поприветствовала ее Бекка, проходя мимо. Ответа не последовало, да она его и не ожидала.

Хор нестройно затянул «Сюзанну». Делу кое-как помогала пара медсестер. Бекка машинально посмотрела, не сидит ли там бабушка, хотя знала, что их вызвали сюда именно потому, что Гемма резко сдала. Кое-кто из обитателей дома престарелых узнал Бекку, а мистер Силверс даже помахал. Она послала ему воздушный поцелуй, и он ответил смешной детской гримасой.

Шана продолжала давить на кнопку лифта, словно от этого напора тот не выдержит и придет быстрее. Сильвия оставила сережки в покое и теперь пыталась натянуть темно-серый свитер на плоский живот.

Бекка не торопилась. Она знала, что капризный механизм по привычке тянет время, а потом придется еще дольше ждать, пока он соизволит с пронзительным лязгом опуститься на первый этаж.

Дверь лифта наконец отворилась, и оттуда вышли две медсестры.

– Здравствуйте, Бекка, – сказала с улыбкой одна из них. – Сегодня утром она была вполне бодра и спрашивала о вас.

Другая просто кивнула. Это была персональная медсестра миссис Хартсхорн.

Бекка улыбнулась в ответ особенно ласково, словно восполняя то, что Шана и Сильвия не обратили на медсестер никакого внимания, будто белые халаты делали тех невидимыми. Бекка втиснулась в тесную кабинку лифта вслед за Шаной.

– Третий, – подсказала Бекка на всякий случай: сестры были тут лишь дважды за четыре года. Обе жили далеко, – одна в Лос-Анджелесе, другая в Хьюстоне.

– Знаю, знаю, – с нарочитым вздохом произнесла Шана, – я уже здесь бывала.

– Мы обе бывали, – поспешила добавить Сильвия. Теперь она играла толстой золотой цепочкой на шее, словно хотела напрочь сорвать хамсу – подвеску в виде ладони. – Это ж так тяжело, Бекка. Не понимаю, как тебе удается приходить сюда каждый день.

– Ну, не каждый, – прошептала Бекка.

– Уверена, – продолжила Сильвия, казалось, не услышав слова сестры. – Живи я поблизости, все равно каждый день не смогла бы. Не здесь. Не в нынешнем ее состоянии.

Бекка улыбнулась и прикрыла глаза: боялась – откроешь, и сестры заметят подступающие слезы. Тут Шана и Сильвия снова начали рассуждать, как хорошо, что Гемма в ее возрасте, да еще с артритом и диабетом, ничего не понимает, а значит, и не страдает. Будто тело не чувствует боли, если ум заблудился в далеком прошлом. «Но Гемма еще не совсем одряхлела и из ума не выжила!» – сердито подумала Бекка, и гнев немедленно помог справиться со слезами.

Она уже готова была произнести это вслух, но лифт остановился, и дверь открылась прямо напротив поста медсестры. Там никого не было, но открытый блокнот и разбросанные по столу бумаги выдавали недавнее присутствие кого-то из персонала.

– *Ненавижу* здешний запах, – сказала Сильвия, нервно разглаживая волосы и поправляя черный бархатный обруч. – Не знаю, как люди это выносят.

– Обычно это их отсюда выносят, – отозвалась Шана. – Старые дома и старые люди всегда воняют. Не собираюсь жить в старом доме и становиться старухой.

– А какие варианты? – пробормотала Бекка и тут же прикусила язык: снова попалась на удочку. По отдельности старшие сестры были весьма достойными деловыми дамами. Шана занималась недвижимостью, Сильвия – социальной работой. Но, встречаясь, они непрерывно пререкались, как малые дети. Перед их приездом Бекка настраивала себя несколько дней. Но все равно, стоило им оказаться вместе в доме, где они выросли, тут же начинались перебранки. Все как всегда.

Она закусила губу и в молчании пошла по коридору. Миссис Бентон одна-одинешенька сидела в своей комнате и негромко плакала. Бекка припомнить не могла, чтобы та не плакала и не звала маму. Внизу остальные обитатели третьего этажа уже допевали «Сюзанну» и, скорее всего, собирались приступить к «Клементине», вот только миссис Бентон всхлипывала, словно несчастное дитя.

Бекка резко свернула к триста десятой комнате и привычно оглядела скромную, аккуратную обстановку. Им повезло: Гемма любила солнечный свет, а эта угловая комнатка была необычайно светлой. Однако сегодня за окном валил снег, и здесь было серо и холодно.

– Здравствуй, Гемма, – бодро обратилась Бекка к лежащей на постели бабушке. Ту плотно укутывал пестрый плед, и можно было не обращать внимания, что она крепко привязана к кровати. По телевизору показывали какую-то викторину, и Сильвия, проходя мимо, немедленно его выключила.

Шана подошла к кровати и поцеловала бабушку, еле коснувшись щеки. Как ни легок был поцелуй, он все же оставил след на старой высохшей коже. Сильвия подождала своей очереди и тоже потянулась губами, но до щеки не дотронулась. На глазах выступили слезы. Она опустила загородку кровати и все-таки поцеловала бабушку.

Исполнив свой долг, Сильвия и Шана выпрямились. Сильвия отошла к окну и уставилась на снег. Шана встала у изножья кровати и опустила сумку «Луи Виттон» прямо на плед.

Бекка села на краешек постели и взяла бабушку за руку. Казалось, что в руке больше нет костей, словно все, что раньше было под кожей, исчезло, делось куда-то далеко-далеко.

– Ушла и адреса не оставила, – шепнула Шана, будто читая мысли младшей сестры.

– Гемма! Гемма, это я, Бекка, – хрипло позвала девушка. – Сильвия и Шана тоже пришли тебя повидать. Мы тебя очень любим.

– Мы тебя очень любим, – эхом отозвался хор.

Ответа не было ужасно долго, и Бекке стало казаться, что Шана права и действительно дома никого нет. Потом медленно, словно возвращаясь из далекого путешествия, Гемма снова появилась в своем теле, глубоко вздохнула и открыла глаза. Их выцветшая синева напоминала зимнее небо.

Бекка легонько, помня, насколько хрупка кожа, сжала бабушкину руку и снова позвала: «Гемма!»

– Давным-давно... – начала Гемма пронзительным, по-детски звенящим шепотом, – в стародавние времена, до всякого времени, но... – Остановилась, испустила легкий вздох, который, казалось, снова ее оживил: – ...не в самое прекрасное время.

Ее дыхание было таким же хрупким, как и кожа, пахло сухими цветочными лепестками: сладко и немного затхло.

– Боже мой, – пробормотала Сильвия, – только не это.

Она стояла у окна и как завороченная глядела на снег, но плечи ее подрагивали, и Бекке оставалось только надеяться, что сестра не разрыдается. Сильвия рыдала всегда ужасно громко, будто приглашала всех вокруг разделить ее горе, а Гемма начинала беспокоиться, когда поблизости кто-то плакал.

– В одной стране был замок, – продолжила Гемма и снова замолчала.

– Какой замок? – спросила Бекка.

– Мы же знаем, какой замок, Бекка. Не заводи этого снова! – прошипела Шана, снимая с кремового пиджака невидимый волосок. – И так тяжело. Нечего делать еще хуже.

Бекка только собралась возразить, но тут бабушка снова заснула.

* * *

Они ждали уже минут двадцать, но она не просыпалась.

– Ну все, – Сильвия отвернулась от окна и посмотрела на тонкие золотые часики. – Пора идти.

Глаза ее покраснели, а на правой щеке, которой она прижималась к окну, виднелся потек туши.

– Она может снова «вернуться», – почти умоляла Бекка. – Так часто бывает. Вы же изда- лека приехали. Другого... другого... случая может уже не представиться. До того, как она... – Конец фразы застрял в горле, словно слово «умрет» было жирной точкой. – Давайте еще подо- ждем.

– Еще? Уже три часа, а снег все идет, и скоро начнется час пик. – Сильвия в качестве решающего аргумента подняла руку, ту, на которой были часы. Видно было, насколько ей не по себе, она почти испугана.

– Час пик?

– Ах, ну да, я и забыла, что мы вернулись в захолустье. Какой тут час пик! Это тебе не Лос-Анджелес. И не Хьюстон. – Она бросила выразительный взгляд на Шану.

Шана подошла и обняла Бекку.

– Послушай, мы обе знаем, что тебе досталось больше всех, так что давай хоть сегодня постарайся, чтобы было полегче. Ты ведь только одна ее все время навещаешь.

– Но мама с папой... – начала Бекка.

– Мы знаем, кто приходил чаще всего. Все знают. Хоть раз не пытайся все делать сама. – Шана взглянула на Сильвию и покачала головой, словно о чем-то предупреждая.

– Ты же понимаешь, Бекка, – Сильвия, не обращая внимания на предупреждение, постучала пальцем по голове.

– Она не сумасшедшая. – В голосе Бекки звучало привычное детское хныканье. Вот так всегда, если слишком долго общаться с сестрами!

– Конечно, не сумасшедшая, вовсе нет. Просто она считает, нет, верит, что жила в замке! Настоящая *Belle au Bois Dormant*, – на безупречном французском произнесла Сильвия, которая целый год училась в Сорбонне. – Спящая красавица в заколдованном лесу. Сказочная принцесса, черт ее побери. Только с еврейским акцентом. Если она не сумасшедшая, получается, что сумасшедшая ты. Пора, наконец, повзрослеть, Бекка. Мы с Шаной уже выросли.

– Не в том дело, – попыталась объяснить Бекка. – Не то чтобы я в это верю. Да и она не верит. Это как сказка... как метафора...

Сильвия фыркнула, и привычная перебранка снова вытеснила мучительную печаль.

– Чепухистика. – Это было их любимое детское словечко. – Хорошо еще, что ты застряла в этой дурацкой подпольной газетке и не пошла учиться дальше, а то бы совсем...

– Она не подпольная, она независимая и...

– А какая разница, – Сильвия снова повернулась к окну. – Левые есть левые, выше они пола или ниже.

– Ты даже не хочешь понять... – Бекка почувствовала на щеках слезы, теперь ей точно было куда меньше двадцати трех. Ну почему именно сестрам удается заставить ее заплакать?

– Давным-давно... – Еле слышный голос Геммы прервал спор. Все три дружно повернулись к ней. Старая женщина говорила, не открывая глаз.

– Ну вот, добилась своего? – прошипела Сильвия. – Она опять проснулась и собирается рассказывать свою чудовищную сказку.

– В стародавние времена, до всякого времени, но не в самое прекрасное время, – продолжался шепот, – в одной стране был замок, а в замке жил король, который ни о чем так не мечтал, как о ребеночке...

Гемма говорила и говорила. Голос, казалось, набирал силу, и ей удалось продвинуться дальше привычного начала:

– Но в конце концов, в один прекрасный день, в самое подходящее время королева легла в постель и родила девочку с рыжей, как огонь, копной волос.

Гемма попыталась дотронуться до волос, но не смогла, потому что была крепко привязана к кровати. Она на минутку задумалась, будто рассказ пошел вкривь и вкось. Затем, по-прежнему еле слышно, продолжила:

– Девочка была прекрасна как полевой цветок, поэтому король решил назвать ее...

– Шиповничек, – хором выдохнули три сестры, совсем как те малышки, которые когда-то с восторгом предвкушали продолжение знакомой истории. На самом деле сейчас две были страшно рассержены, а третья – рыжеволосая, как принцесса из сказки, – в слезах.

И, словно дождавшись наконец их дружного ответа, бабушка снова заснула. Заговорщицки переглянувшись, Сильвия и Шана отошли от кровати и направились к двери.

– Бекка. – Шана, стоя в дверях, позвала младшую сестру.

Бекка покачала головой и не двинулась. Этот жест означал, что она остается, что прощает им бегство. И она действительно прощала. Этот дом был ужасен: пропахший мочой, непере-носимо печальный и безнадежный, несмотря на то, что его обитатели пили по утрам чай из серебряного чайничка, а днем их всячески развлекали; несмотря на разукрашенную комнату для рукоделия и доносившееся снизу по лифтовой шахте отчаянно фальшивое пение. Она как никто понимала сестер и любила их, даже если ее безумно раздражало то, что они говорили. Но именно то, от чего они бежали, заставляло Бекку каждый вечер после работы в газете приходить в дом престарелых, а каждые выходные проводить с Геммой три-четыре часа. Она боялась, что бабушка превратится в миссис Хартсхорн, которую никто никогда не навещает и которой только и остается, что заплетать волосы в нелепые косички. Или в миссис Бентон, ни на минуту не перестающую плакать и звать маму, которая никогда не придет. Или в миссис Гедовскую со второго этажа – эта сидит в коридоре, непрестанно бранясь. Ее крепким выражением мог бы позавидовать любой рэпер.

Сестры ушли. Бекка слушала затихающие шаги в коридоре. Она слышала из-за двери шумы всего дома: позвякивал и дребезжал лифт, спускающийся на первый этаж; дважды прозвонил телефон на посту медсестры, наконец она усталым голосом ответила; проехала каталка, прошлепали войлочные тапки другой медсестры; нелепые шутки телеведущего почти заглушили рыдания миссис Бентон.

Бекка подошла к двери, закрыла ее поплотней и вернулась к бабушкиной постели. На этот раз, когда она взяла Гемму за руку, то ощутила слабое пожатие.

– Ребекка? – шепот Геммы звучал громче. – Ребекка!

– Я здесь, Гемма.

Бабушка открыла глаза:

– Я была принцессой в замке в заколдованном лесу. Опустилась ужасная мгла, и мы все заснули. Но принц поцеловал меня, и я проснулась. Только я.

– Да, Гемма, – успокаивающе кивнула Бекка.

Бабушка ворочалась, пытаясь освободиться от пут, привязывающих ее к кровати. Наконец, она перестала бороться и безнадежно откинулась назад.

– Я была принцессой, – повторила она. – Я жила в замке. И принц поцеловал меня.

– Да, Гемма.

– Этот замок твой. Это все, что я тебе оставляю. Ты должна найти его. Замок в заколдованном лесу. Обещай, ты его найдешь. – Она снова попыталась сесть. От напряжения ее лицо покрылось красными пятнами.

– Обещаю, Гемма.

– Обещай, что найдешь замок. Обещай, что найдешь принца. Обещай, что найдешь того, кто наложил заклятье.

– Я обещаю, Гемма, – Бекку поразило, какой силой налилась бабушкина рука.

– Поклянись.

– Клянусь, Гемма.

– Поклянись моей могилой.

– Но, Гемма, ты *не умерла*. – Это слово далось Бекке с трудом. Когда его произносишь, оно становится таким реальным.

– Поклянись.

– Клянусь... клянусь твоей... могилой.

Красные пятна медленно исчезали со щек бабушки, и теперь она лежала совершенно спокойно, снова закрыв глаза. Бекка, как ни пыталась, не могла разобрать еле слышный шепот.

Бекка еще ниже склонилась над кроватью. Побоялась прижать ухо к бабушкиному рту слишком плотно, чтобы Гемма не задохнулась. В конце концов Бекке удалось разобрать слова.

– Это я – принцесса Шиповничек, – повторяла Гемма. – Это я – принцесса Шиповничек.

Глава 3

- Пора в постель, – скомандовала Гемма.
- Ты обещала, что я могу лечь попозже, потому что мне уже десять лет, – возразила Сильвия. – А ты расскажешь какую-нибудь сказку.
- Только не «Спящую красавицу», – потребовала Шана, – какую-нибудь новую.
- А я хочу «Спящую красавицу», – сказала Бекка. – Я предпочитаю ее.
- «Предпочитаю» было новое слово, которое она выучила только что.
- «Спящую красавицу» для Бекки, и она отправляется в постель. А потом другую сказку для двух взрослых дам, – улыбнулась Гемма, но старшие сестры уже выскочили из комнаты.
- Мы вернемся, когда ты кончишь «Спящую красавицу», – крикнула Шана из другой комнаты.
- И не раньше, – крикнула Сильвия.
- Но очень скоро – сказка была еще в самом начале – они тихонько пробрались обратно, чтобы послушать знакомые слова.
- Гемма рассказывала:
- ...И король сказал, что пора позвать гостей.
- Много гостей? – спросила Бекка, хотя знала ответ наизусть.
- Огромное множество гостей. И накормить их всех пирожными и мороженым с золотых тарелок. А главное, не забыть послать приглашение всем добрым феям королевства.
- Но не злой фее.
- Гемма крепче обняла девочку.
- Конечно, не злой – не той, что ходит в черном платье, в больших черных ботинках и в шляпе, расшитой серебряными монетками.
- Но она все равно пришла.
- Она пришла, словно ангел смерти. Она пришла и сказала: «Я проклиная тебя, принцесса Шиповничек, и твоего отца-короля, и мать-королеву, и всех твоих дядюшек и тетушек, и двоюродных братьев и сестер. И всех окрестных жителей. И всех, кто носит одно с тобой имя». – Гемма задрожала всем телом, и Бекка накрыла ладошкой ее руку.
- Все будет в порядке, Гемма. Вот увидишь. Проклятие не подействует.
- Гемма обняла девочку еще крепче и продолжила рассказывать.

Глава 4

На похороны собралось немного народа, в синагогу пришли лишь десятка два родственников и знакомых. Гемму мало кто знал, только родные. Раввин говорил о ком-то, слабо ее напоминающем. Бекка с трудом возвращалась из мира сказок, которые всегда рассказывала бабушка, к реальности происходящего. И лишь когда кантор запел, слегка фальшиво, но весьма прочувствованно, она сдалась и унеслась в мечтах на поиски замка из любимой бабушкиной сказки.

До кладбища неподалеку от Кинг-стрит людей добралось еще меньше. Мимо грохотали грузовики, заглушая слова заключительной молитвы, которую читал раввин. Резко взвизгнули шины, и нетерпеливо загудела машина, притормозившая перед белкой, в панике перебежавшей дорогу, – во всем этом потерялись тихие рыдания Бекки.

Сильвия, зябко кутаясь в длинную, до щиколоток, черную норковую шубку, повернулась к мужу и сказала, как ей казалось, достаточно тихо:

– Уже десятое апреля, а все еще зима. Почему она не могла умереть во Флориде, как твой отец?

Она хотела произнести эти слова шепотом, чтобы шуткой удержать на плаву свой ослабевший дух, но вышло громче и слышнее еле тлеющего голоса раввина. Бекка обернулась к сестре, от резкого ветра у обеих на глаза навернулись слезы. Сильвия в смущении закусила губу и опустила голову. Когда Бекка снова взглянула на раввина, он уже окончил свою речь и лопаткой сбросил комочек грязной земли в открытую могилу.

«До свидания, Гемма», – прошептала Бекка вслед посыпавшейся вниз земле. Подошла ее очередь. Бекка сначала поднесла горсть земли к носу и понюхала, будто проверяя, подходит ли запах для того, чтобы здесь лежала Гемма. Глубоко, так, что заболело в груди, вздохнув, Бекка опустилась на колени и позволила комку мягко скатиться с ладони.

«Я обещаю, Гемма, – еле слышно сказала Бекка. – Я клянусь». Когда она встала, отец обнял ее и крепко прижал к себе, словно опасаясь потерять в могиле и дочь. Пока они шли к машине, отец крепко держал Бекку за руку, и она не пыталась освободиться, хотя была уверена, что на руке останутся синяки.

Дома на поминках людей собралось больше, чем в синагоге – подошли соседи, которые знали Гемму сорок лет. Это были поляки-католики. Им показалось неудобным прийти в синагогу, хотя церковь этого уже не запрещала. Стол ломился от их подношений: колбасы, голубцов, пышных пирогов, салатов, густо заправленных майонезом.

В доме пахло весной. Ароматы бесчисленных букетов перекрывали даже запахи еды. Сколько Бекка ни пыталась объяснить, никто из соседей так и не поверил, что к еврейским похоронам цветы не полагаются. Но каждый раз, когда дверь открывалась, новый скорбящий приносил с собой еще один букет... От запаха Бекку уже подташнивало.

Сильвия причесывалась перед зеркалом в своей старой спальне наверху. Внизу все зеркала были занавешены – Берлины не были так религиозны, чтобы следовать всем традициям, и сделали это только из-за раввина, который пришел почтить память умершей. Задрапированные зеркала ужасно раздражали Сильвию. Она протопала наверх, оставляя грязные следы, и резким, рассчитано театральным жестом сбросила норковую шубку на кровать. Отряхнув шелковую блузку от только ей заметных волосков, она недовольно уставилась на свое отражение.

Майк, ее муж, стоял у Сильвии за спиной и улыбался.

– Ты отлично выглядишь, детка.

– Отлично – недостаточно, – отозвалась Сильвия, улыбнувшись его отражению в зеркале, будто подтверждая, что выглядит она и в самом деле прекрасно.

Выйдя из комнаты, они столкнулись с Шаной и ее мужем. Щеки Шаны пылали – верный признак того, что они с Хови снова поругались.

– Где Бекка? – спросила Сильвия.

– Внизу. Наверняка разливает кофе. Режет пироги. Развлекает подружек Геммы. Что еще? – из-за недавней стычки с Хови слова Шаны прозвучали куда резче, чем ей хотелось.

Мужчины встретились взглядом поверх голов жен. Хови опустил глаза первым.

Бекка действительно резала пироги, выкладывала их на тарелки из парадного сервиза и не забывала положить рядом вилки. Ей надо было чем-то занять руки – голова была уже заполнена длиннейшим списком дел, которые надлежало сделать. Она без конца повторяла этот список наподобие заклинания, но руки, если были не у дел, продолжали дрожать. Бекка знала, что это нормально: она всегда так реагировала – готова была горы своротить, когда что-нибудь случилось, и немедленно разваливалась на части, когда напряжение спадало. Точно так же, как бабушка – что служило постоянным источником семейных шуток.

В гостиной Буковские – муж и жена, – размахивая руками, громогласно обсуждали Гемму, и их жесты никак не вязались с темой разговора. Дети – две дочери Шаны, маленький сын Сильвии и близнецы Берковичей – играли в салки на лестнице. Бекка понимала, что нужно пойти и утихомирить их, потому что весь этот шум начинает раздражать мать, которая с опухшими от слез глазами сидит на банкетке возле пианино, окруженная непрестанно болтающими соседями. Но сдвинуться с места Бекка была не в силах – оставалось только резать пироги, чтобы унять дикую дрожь.

Спустившись вниз, Сильвия и Шана по-матерински быстро, умело и не слишком справедливо разобрались с детьми, отправив их во двор и даже не озаботившись найти им куртки. Бекка улыбнулась. Обычно сестры, наоборот, слишком кутали детей – кофт и свитеров на них всегда бывало в избытке. Она сочла это знаком того, что обе сильнее, чем готовы в этом признаться, расстроены смертью Геммы.

– Мне бы не помешала помощь, – произнесла она в попытке примирения. Но сестры уже вышли из комнаты, и Бекка поняла, что надо оставить их в покое – пусть погорюют. Оставалось с удвоенной, полной невысказанного раздражения свирепостью резать персиковый пирог: раздражение, похоже, тоже было частью бесконечной печали этого дня.

Она думала о Гемме. Как та с закрытыми глазами лежит на постели и повторяет: «Это я – принцесса Шиповничек».

Спящая красавица. Что она имела в виду? Тонкие волосы Геммы выбились из заплетенных косиц и разметались по подушке. В них уже совсем не осталось былой рыжины. Кожа, подобно старому пергаменту, натянутому на кости, напоминала карту; глубокие борозды долгих лет показывали, как и где она жила. Но на самом деле никто из родных не знал, где прошло ее детство. Им было известно только, что она приехала в Америку накануне Второй мировой войны.

– Папа, может, она действительно жила в замке где-нибудь в Европе? Ну, как Ротшильды.

Отец, привлекательный лысеющий мужчина с решительным подбородком и усами, белыми скобками огибающими рот, улыбнулся и покачал головой:

– Никаких замков, моя дорогая. Это просто одна из Гемминых сказок.

– Но она говорила с такой убежденностью.

– Ни в чем, что касается твоей бабушки, нельзя быть убежденным. Ни в дне ее рождения, ни в стране, где она родилась, ни даже в ее имени.

– Гемма, – автоматически отозвалась Бекка.

– Это потому, что Шана вместо «где моя бабушка» говорила «гемма бабушка».

Бекка отрезала еще один кусок, слишком тоненький для любого, кто не сидит на диете.

– Я знаю. Я хотела сказать, Аврора. Аврора Принц. По крайней мере, именно так я написала, когда мы в школе в четвертом классе рисовали семейное древо. Я хорошо помню, потому что написала ее имя с ошибкой и уже было собралась все переделывать, но тут мама нашла мне замазку. – Бекка оглянулась, ища, что бы еще нарезать.

Отец отобрал у нее нож и положил на тарелку так же аккуратно, как клал хирургические инструменты во время операции.

– Она сама выбрала имя Аврора, – тихо произнес он. – Но в той стране, где она родилась, я уверен, имя у нее было другое.

– Какое?

– Откуда я знаю, – пожал плечами доктор Берлин. – Я всего лишь зять. Правда, почти тридцать лет. Мне уже повезло, что, когда мы встретились, она хотя бы сказала, как зовут ее дочь. Большая специалистка по секретам была твоя бабушка. – Отец улыбнулся, и Бекка чуть не рассердилась, что он и сегодня, в такой день, ведет себя как обычно. А потом не удержалась и позволила себе счастье привычно, полностью раствориться в отцовской улыбке.

Взяв тарелки, Бекка начала обходить комнату, обменивая куски пирога на соблезнующее бормотание. При ее приближении смешки и улыбки, казалось, увядали. Раздав все, что было у нее в руках, она вернулась за следующей порцией.

К тому времени, как ушли соседи и остались только члены семьи, Бекка уже не могла плакать. Она сидела у кухонного стола с закрытыми глазами и прислушивалась к разговорам. Отец с матерью звучали почти весело, они мыли и вытирали парадную посуду, обсуждая, о чем говорили соседи. Из гостиной доносились звуки телевизионных новостей – Шана, Сильвия и их мужья без сил валялись перед телевизором.

– Тетя Бекка, расскажи сказку.

Она открыла глаза: Бенджамин. Светлые волосы, челка – одно лицо с Майком. Рассказывать сказку Майку? Забавно! Но рядом с ним с умоляющими глазами стояли обе дочери Шаны.

– Хорошо. Но только одну. Какую вам рассказать?

– Пятую касаву, – прошептала Сара.

Бенджамин ущипнул ее за руку.

– Не эту. Эта Геммина!

– Я расскажу эту сказку, – пообещала Бекка. – Именно потому, что она Геммина.

– А она не рассердится? – спросила Сьюзен.

– Не говори глупостей, – ответил Бенджамин. – Она умерла.

– Но дух тоже может рассердиться, – возразила Сьюзен.

– Евреи не верят в духов, – авторитетно заявил Бенджамин и взглянул на Бекку. – Правда, мы не верим?

Она покачала головой, но не потому, что не верила в духов, просто эти разговоры явно пугали Сару, которая все крепче прижималась к Бекке.

– Даже если Гемма и дух, она всех нас любит. И хочет, чтобы я рассказала вам сказку о Спящей красавице. Когда я видела Гемму в последний раз, она мне как раз про принцессу Шиповничек и рассказывала.

Лицо Сары прояснилось, и она улыбнулась, подсказывая: «Давным-давно...» И Бекка, улыбнувшись в ответ, подхватила.

Когда детей наконец уложили, взрослые собрались в столовой.

– Гемма оставила завещание. Вот что значит иметь в семье юриста, – сказал доктор Берлин и посмотрел на Майку. – Но кроме того, Гемма оставила шкатулку, которую мы с вашей мамой решили открыть именно сегодня, пока мы все вместе.

– А что в ней, пап? – спросила Сильвия, снимая черный обруч и легонько массируя шею под волосами.

– Мы не знаем. Это был Геммин секрет. Мама даже не знала о существовании шкатулки, покуда вчера мы не распаковали вещи из дома престарелых. Это...

Миссис Берлин прервала мужа:

– Она полна... всякой всячины.

Она говорила так тихо, что Бекка немного подалась вперед, чтобы расслышать.

Доктор Берлин погладил жену по руке, встал, вышел на кухню и вернулся с палисандровой шкатулкой. На крышке была вырезана роза с шипами.

– Только не еще одна проклятая роза! – воскликнул Хови. – Гемма была просто типичный случай из учебника – невроз навязчивых состояний.

– Что ты в этом понимаешь? – огрызнулась Сильвия. – Ты же зубной врач.

– Врач есть врач, – парировала Шана.

– Вовсе нет, – возразила Сильвия.

– Вовсе да.

– Вовсе нет.

Майк нервно засмеялся, а доктор Берлин поднял руку.

Шана и Сильвия тотчас замолчали, и Бекка услышала тяжелый вздох – так мама вздыхала, когда сестры-подростки ссорились.

– Давайте лучше посмотрим, что в шкатулке, – вмешалась Бекка.

– Пусть мама откроет, – предложил доктор Берлин.

Миссис Берлин медленно подняла крышку, и все уставились на мешанину из фотографий и бумаг. Затем она принялась не спеша вынимать бумаги по одной, аккуратно раскладывая их на обеденном столе, пока стол не стал похож на лоскутное одеяло.

– Посмотрите на фотографию, – воскликнула Сильвия. – Разве это не Гемма?

– И все эти вырезки, – Шана ткнула красным наманикюренным ногтем в пожелтевший листок бумаги.

– Давайте начнем с этого конца, – доктор Берлин перевернул одну из фотографий. «Евка и я, 1945 год», – громко прочел он и пустил фотографию по кругу. Это был черно-белый снимок женщины в плохо сидящем ситцевом платье. На руках она держала девочку со светлыми косичками и огромными глазами.

– Это ты, мама? – спросила Бекка, показывая на девочку.

– Конечно, – улыбнулся отец. – У кого еще могут быть такие глазищи?

– Какое ужасное платье! – воскликнула Сильвия. – Просто мешок из-под муки.

– Тогда такие носили, – пробормотала миссис Берлин. – Но я никогда раньше не видела этой фотографии.

Бекка взяла следующий листок.

– Какая-то бумага, разрешающая въезд в страну. В Америку, – она оглядела всех сидящих за столом. – На имя Гитл Мандельштейн.

– Гитл? – переспросила Шана.

– Может, это и было настоящее имя Геммы, – предположил Хови.

– Никто никогда не называл ее Гитл, – сказала миссис Берлин. – Но я не знаю, откуда она, и не встречала никого, кто бы знал ее до моего рождения. Я думала, ее настоящее имя Женевьева.

– Вы не знаете настоящего имени своей матери? – изумился Майк.

– Я всегда думала, что меня называли Евой, потому что ее звали Женевьева, – ответила миссис Берлин. – А потом она взяла себе другое имя – Аврора, так что мы были Аврора и Ева. Она шутила, что с нас все начинается – и день, и род человеческий.

– А я всегда думала, что Аврора – это из сказки, – сказала Сильвия.

– Из какой сказки? – недоуменно спросила Шана.
– Из «Принцессы Шиповничек», конечно. Принцесса Аврора, как у Диснея.
– Что-то слишком умно для меня, – вставил Хови.
– Все слишком... – начала Сильвия.
– Сильвия! – предупреждения доктора Берлина было достаточно. Он взял другую фотографию: – Что вы думаете об этой?

На фотографии паспортного формата был красивый молодой человек с высокими скулами и темными усиками.

– Брат Геммы?
– Она никогда не упоминала ни о каких братьях.
– Двоюродный брат? Друг?
– Твой отец, мама? – Бекка тихо высказала то, о чем все подумали.
– Не знаю. Она никогда не говорила ни о каком муже. И о семье вообще. Только о том, что все в замке заснули, а ее разбудил принц.

– Невроз навязчивых состояний, – вставил Хови.
– Рассуждай лучше о зубах, умник, – предупредила Сильвия.

Еще в шкатулке обнаружилось несколько газетных вырезок, несколько фотографий той же самой молодой женщины в компании столь же бедно одетых людей и маленький черный бархатный мешочек. Дрожащими пальцами миссис Берлин открыла мешочек, выудила оттуда мужское кольцо с большим темным камнем и передала его Бекке.

– Может, это кольцо нашего дедушки? – сказала Сильвия.
– Принца? – спросил Хови. – Или мистера Принца?
– Не думаю, что она... не уверена... но мне кажется, что она вообще не знала, кто мой отец. Была война. Все перевернулось вверх дном. Она просто сумела выбраться вовремя.
– Вовремя? – возразила Бекка. – Но, мама, посмотри на дату на въездной визе – 14 августа 1944 года. Она приехала сюда в самый разгар войны.
– Не может быть, – недоуменно посмотрела на дочь миссис Берлин.
– Может, Гемма вовсе не Гитл, – предположил Майк. – Вы же никогда не слышали, чтобы ее так называли.

– А зачем хранить чужую въездную визу? – спросил доктор Берлин.

Бекка поднесла кольцо к свету и прошептала:

– Мама, тут что-то написано внутри.

Доктор Берлин взял кольцо, пошел в кабинет и вернулся с увеличительным стеклом.

– Здесь три буквы и дата – «ЙМП 1928».

– Ни Гитл, ни Мандельштейн, – удовлетворенно произнес Майк.

– Это мужское кольцо, идиот. – В голосе Сильвии звучала неподдельная нежность. – «П» значит Принц.

– Что же это такое? – недоумевала Шана.

– Ответ знает только Гемма, – вздохнул доктор Берлин.

– А спрашивать теперь слишком поздно, – добавил Майк.

– Если только мы не верим в духов, – вставила Бекка. – А Бенджамин убеждал меня, что мы, евреи, в духов не верим.

– Невроз навязчивых состояний.

– Заткнись, Хови, – хором произнесли все три сестры.

Доктор Берлин положил кольцо рядом с фотографией молодой женщины с ребенком:

– Загадка, завернутая в тайну внутри головоломки.

– Это про Россию, – отозвалась Сильвия.

– Согласно Черчиллю, – добавила Шана.

– Мои умненькие девочки, – улыбнулся доктор Берлин.

– Я собираюсь все разгадать. – Бекка накрыла ладонью фотографию и кольцо. – И головоломку, и загадку, и тайну. Я собираюсь найти замок и принца и потребовать наше наследство. Эти фотографии, кольцо и все остальное мне помогут. Я обещала Гемме.

– Невроз навязчивых состояний, – снова повторил Хови.

На этот раз никто не обратил на него внимания.

Глава 5

У Бекки первый раз в жизни ночевала подружка, и Гемма пообещала рассказать им на ночь сказку.

– Она нам расскажет «Спящую красавицу», если попросим, – объяснила Бекка. – Она ее лучше всех рассказывает.

История с проклятьем напугала обеих девочек.

– Когда тебе исполнится семнадцать, – произносила Гемма слова злой феи, – мое проклятье обретет силу. Ты будешь лежать, и страшная мгла покроет весь замок, и все умрут. Ты тоже, принцесса.

Тут Гемма изобразила, как ужасно злая фея смеялась.

– Быстрее, Гемма, рассказывай дальше, – умоляла Бекка, почти целиком спрятавшись под одеяло вместе с прижавшейся к ней подружкой Ширли.

– А про веретено? И про иголку? – прошептала Ширли так, что от ее дыхания у Бекки зашевелились волосы и на шее стало горячо.

Бекка молча ткнула подружку локтем в бок.

– Но одна из добрых фей, – продолжала Гемма, – успела все-таки сказать свое пожелание: «Не все умрут. Некоторые просто уснут. И ты, принцесса, тоже».

Ширли сердито села на постели:

– Это все не так. Вы неправильно рассказываете.

Гемма улыбнулась.

– У нас дома рассказывают так, – заявила Бекка. – Если тебе не нравится, ты мне больше не лучшая подруга.

– Я хочу домой, – сказала Ширли. – Я плохо себя чувствую. У меня живот болит и в горле больно глотать.

Ее отвезли домой. Они с Беккой по-прежнему дружили в школе, но она больше никогда у них не ночевала. Бекка больше никогда ее не приглашала.

Глава 6

Тишину в доме нарушало лишь тиканье старых часов. Бекке никак не удавалось заснуть. Сначала ей казалось, что в комнате слишком жарко, и она решительно, почти королевским жестом отбросила одеяло. Пяти минут не прошло, как ей стало нестерпимо холодно, и она закуталась в два одеяла. После двух часов метаний, когда ее попеременно бросало то в зябкую дрожь, то в жаркий пот, она наконец сдалась и села. Электронные часы-будильник на столике возле кровати показывали без одной минуты два. Пока она смотрела, светящиеся цифры 1:59 сменились цифрами 2:00. Вздохнув, Бекка спустила ноги с кровати, нащупала тапочки и, уже на ходу завязывая пояс фланелевого халата, пошла вниз.

Она достала остатки шоколадного печенья из фарфоровой банки с голубым рисунком и побрела в гостиную. Пошелкала пультом телевизора. Пробежалась по всем тридцати шести кабельным каналам. Нашлись три эротических фильма, один из которых она уже видела, местные новости и погода – в Техасе дождь, в Фениксе жара. Через минуту, поймав себя на том, что тупо пялится на таблицу настройки, сердито выключила телевизор, хотя он, бедный, совершенно не заслуживал таких эмоций, и вернулась на кухню.

В банке завалились три ванильных печенья – ванильное печенье Бекка ненавидела, даже свежее, но все равно их съела.

Она зашла в столовую, зажгла свет. На столе, все так же в беспорядке, лежали рассыпанные бумажки. Бекка обошла стол, раздумывая, стоят ли старые фотографии, таинственные документы и газетные вырезки бессонной ночи.

– В последние дни Гемма была не в себе, – прошептала она. – Все это просто ерунда.

Казалось, что слова прозвучали с чужими интонациями. Больше похоже на Сильвию.

Бекка придвинула стул и села во главе стола. Через минуту она положила руку на крышку деревянной шкатулки и надавила, да так крепко, что на ладони остался четкий отпечаток вырезанной розы.

«Бесполезно, – подумала она, – бесполезно убеждать себя, что эти клочки бумаги не имеют никакого значения».

Ведь Гемма не зря прятала от них шкатулку, не зря взяла ее с собой в дом престарелых. Значит, это было важно. Гемма. Женевьева. Аврора. Гитл. Шиповничек. Кто знает?

Вдруг, словно наяву, Бекка услышала, как Гемма рассказывает сказку о Спящей красавице. Бабушкин голос заполнил комнату:

– Давным-давно, в стародавние времена, до всякого времени, но не в самое прекрасное время, в одной стране был замок... И королева легла в постель и родила девочку с рыжей, как огонь, копной волос.

Бекка дотронулась до собственных рыжих кудряшек и улыбнулась. Папа называл их с Геммой своими прекрасно-красными розами. У самой Бекки, как у большинства рыжих, до двух лет волосы были совсем жиденькие... Но это же сказка! Бекка виновато оглянулась – не видит ли кто. Однако все еще спали.

И король сказал, что пора позвать гостей. И накормить их всех пироженными и мороженым с золотых тарелок. А главное, не забыть послать приглашение всем добрым феям королевства. Но не злой фее. Не той, что ходит в черном платье, в больших черных ботинках и в шляпе, расшитой серебряными...

– Монетками, – громко произнесла Бекка.

Она подозревала, что умение рассказывать истории и додумывать детали у нее от Геммы. Додумывание деталей – совсем не то качество, которое должен развивать в себе журналист.

Я проклинаю тебя и твоего отца-короля, и мать-королеву, и всех твоих дядюшек и тетушек, и двоюродных братьев и сестер... И всех, кто носит одно с тобой имя...

Бекку бросило в дрожь. Это, в конце концов, всего лишь сказка, которую она слышала сто тысяч раз. Вдруг ей пришло в голову – а у Геммы-то не было никого, кто бы «носил одно с ней имя». Ни матери... ни отца... ни мужа. У нее была только дочь и три внучки. Может, поэтому она так навязчиво возвращалась к сказке о Спящей красавице?

– Просто волшебная сказка, – шепнула Бекка. Пыталась утешиться?

Но в доме, куда пришла смерть, утешения нет.

Добрая фея посулила вместо смерти сон. И что в этом такого плохого? Детьми она, Шана и Сильвия снова и снова обсуждали, чем плохо просто уснуть.

Внезапно Бекку осенило, и ответ на детский вопрос нашелся сам собой. Ну конечно! Плохо не тому, кто заснул. Плохо остальным, тем, кто не спит...

В Гемминой сказке счастливый конец ждал лишь принцессу Шиповничек и ее маленькую дочку. В этой истории, несомненно, была какая-то странность. Теперь Бекка это ясно видела. В бабушкиной версии сказки все – кроме принца, разбудившего принцессу поцелуем, самой принцессы Шиповничек, а после и их ребенка – абсолютно все остальные продолжали спать. И что же... Но тут у Бекки в ушах зазвучал Геммин голос, и столовая наполнилась печалью:

Спали все: лорды и леди, учителя и ученики, совы и собаки, кролики и каббалисты. И все-все горожане...

Бекка глубоко вздохнула, Геммины слова постепенно затихали. В книге сказок, которую они читали в школе, поцелуй принца разбудил всех. Но в бабушкином варианте от смертельного заклинания злой феи уснули все. Уснули и умерли. Неудивительно, что Ширли как-ее-там из соседнего дома больше не захотела у них ночевать. Уснуть и умереть.

– Гемма, о чем ты только думала? – сердито прошептала Бекка.

Она зевнула и взяла в руки фотографию женщины с ребенком.

– А потом ты жила долго и счастливо? – спросила Бекка у фотографии.

Женщина на снимке не смотрела в камеру. Черные глаза глядели куда-то мимо Бекки. Как она ни поворачивала фотографию, женщина всегда смотрела вбок. Ребенок лежал у матери на груди и сосал палец.

Утром все спустились к завтраку и обнаружили за столом спящую Бекку. Ее голова прилегла между двух стопок документов. Предметы из бабушкиной коробки были разложены по четырем стопкам: фотографии, вырезки, документы и четвертая – «разное». Там лежали: кольцо, конвертик с двумя прядями волос, золотистой и рыжей, латунная пуговица, на вид форменная, и оторванная половинка итальянского железнодорожного билета.

Вырезки она разложила в хронологическом порядке: первая – от 30 августа 1944 года, последняя – от 3 июня 1956 года.

Датировать фотографии было невозможно. Разве что одну-единственную, хотя на всех была изображена одна и та же женщина. На всех фотографиях она была явно беременна – кроме одной, где она держала на руках ребенка. На всех фотографиях, кроме последней, женщина была в мешковатом темном платье с белым кантом по вороту и манжетам. Она стояла чуть в стороне от группы людей перед рядом барачков, за которыми виднелся кусочек то ли озера, то ли океана. На всех снимках женщина прикрывала рукой живот и настороженно косилась на фотографа.

Документов было всего семь, и Бекка долго их расшифровывала. Во-первых, американская въездная виза, датированная тем же месяцем, что и самая старая газетная вырезка. Во-вторых, какой-то бланк с тщательно выписанной подписью Гитл Мандельштейн внизу. Тоже

похоже на какую-то визу. Еще – свидетельство о рождении Евы Штейн; документ о гражданстве с фотографией серьезной, но все еще юной Авроры Штейн от 6 июля 1946 года; договор аренды квартиры на углу 12-й улицы и Авеню А в Нью-Йорке; справка о вакцинации. И, наконец, в голубой обложке, документы по ипотеке на дом на Школьной улице, где росли Бекка и ее сестры. Гемма купила этот дом в 1953 году за восемь с половиной тысяч долларов. Тридцать восемь лет назад.

– Подсказки, – бормотала Бекка, перебирая документы. – Почему Гемма делала из этого такой секрет? И какое эти бумажки имеют отношение к «Спящей красавице»?

– Видишь, Гемма, я стараюсь, – произнесла она в пустой комнате, уронила голову на стол и заснула.

Ее тихонько разбудила мама.

– Иди ложись, милая. Так и заболеть недолго, а у меня сейчас нет сил за тобой ухаживать.

Бекка сонно заморгала, зевнула.

– Обещай, что ничего не будешь трогать. Я все разложила по порядку. Обещай, что не подпустишь их к бумагам.

Она имела в виду сестер.

– А как же завтрак?

– Можете поесть на кухне, как всегда. И неважно, что они скажут.

Сильвия как-то пожаловалась, что есть на кухне «слишком примитивно». Правда, было это после того, как она вышла за Майка и они завели постоянную няню для Бенджамина. Сильвия брала уроки французской кулинарии, и ужинали они при свечах.

– Обещаешь? – еще раз спросила Бекка.

– Обещаю, милая.

Вздохнув, Бекка встала и неохотно отправилась в спальню. Но ее сон все время прерывался: по лестнице взад-вперед с воплями носились трое детишек.

Глава 7

– Гемма, а почему ты все время рассказываешь про Спящую красавицу? – спросила Бекка.

Это было в Нортгемптоне. Они сидели в кафе-мороженом и праздновали Беккино окончание детского сада. В животе у нее плескался клубничный коктейль, немножко даже пролилось на платье. Как же здорово, что Шана и Сильвия еще в школе, а то бы они стали ее дразнить. Всю дорогу домой распевали бы: «Неряха-растеряха».

– Ты что, не любишь «Спящую красавицу»? – удивилась Гемма.

– Люблю. Но почему ты рассказываешь про нее все-все время? – упорствовала Бекка.

– Потому что я ее тоже люблю.

В машине, когда они ехали домой, бабушка снова принялась рассказывать ту же сказку. Когда она дошла до слов короля: «*Пойте и танцуйте, дорогие гости. Пойте и танцуйте. Выкиньте из головы все мысли о мгле. Запрещаю вам об этом думать*», Бекка начала повторять за бабушкой слова сказки.

– А дальше помнишь? – спросила Гемма.

– Да! Да!

– Ну, сегодня был твой последний день в детском саду. На будущий год ты пойдешь в трудную школу... (Трудной школу называли Шана с Сильвией, потому что приходилось делать домашние задания.) Может, ты и не захочешь без конца слушать мою сказочку.

Бекка потянулась к бабушке, схватила ее за руку.

– Она мне никогда не надоест! Это же твоя сказка.

– Твои бы слова да Богу в уши, – отозвалась Гемма.

– Это из другой части, глупенькая, – возразила Бекка.

Бабушка улыбнулась, и Бекка начала рассказывать:

– Когда принцессе Шиповничек исполнилось семнадцать – это на двадцать лет больше, чем мне.

– На двенадцать лет больше.

– Когда принцессе Шиповничек исполнилось семнадцать, однажды, без дальнейших предупреждений... Что такое предупреждений?

– Когда тебе говорят «осторожно!».

– А, понятно! Без дальнейших предупреждений на все королевство опустилась мгла. А что такое мгла?

– Туман. Выхлопные газы.

– Мгла, страшная мгла. Она покрыла все королевство. И все люди в королевстве заснули: и хорошие, и плохие, и молодые, и старые, и даже отец и мать принцессы Шиповничек. Спали все: лорды и леди, учителя и ученики, совы и собаки, кролики и каббалисты. И все-все горожане. И так крепко они заснули, что сто лет не могли проснуться. А тебе уже есть сто лет, Гемма?

– Не совсем.

– А мне шесть.

– Не совсем.

– А сто лет – это много?

– Вечность.

Глава 8

Когда Бекка проснулась, был уже полдень. Солнечный свет лился сквозь жалюзи, рисуя на полу знакомые уютные узоры. Бекка знала, что ей приснилась куча коротеньких снов, целая коллекция, но вспомнить ни одного не могла. Она встала, потянулась, сделала десять наклонов и десять приседаний, потом отправилась в ванную почистить зубы.

Ванная была занята. Из-за двери слышалось, как Хови что-то мурлычет себе под нос. Бекка тихонько постучала в дверь и, не дождавшись ответа, пожала плечами и пошла вниз. Кофе, наверно, уберет неприятный вкус во рту не хуже зубной пасты.

Тарелки от завтрака громоздились в кухонной раковине. Кофеварка была пуста, что означало – мама снова легла. Бекка налила в кофеварку воды, достала новый фильтр, выбросила старый, отсчитала пять столовых ложек колумбийского кофе. Дождалась, пока чудо-машина превратит воду из-под крана в горячий темно-коричневый бодрящий напиток. Это покруче любого чуда из Библии – не захочешь, а уверуешь. Кофе закипал, а Бекка тем временем ополоснула тарелки и сунула их в посудомоечную машину.

В кухню ворвалась маленькая фигурка.

– Тетя Бекка, он меня му-у-учит!

– Тише, Сара, тише! Бабушка спит.

Бекка наклонилась и поймала племянницу в спасительные объятия.

Вбежал Бенджамин, и, увидев Бекку, остановился на всем скаку. Надулся.

– Так нечестно! Никаких взрослых!

– Я еще кофе не выпила, – предупредила Бекка.

Бенджамин унесся. Сара, выкрутившись из Беккиных рук, бросилась вслед за кузеном с криком:

– Ты у меня еще получишь!

– Кофе! – В кухню вошел Хови. Налил большую чашку, отхлебнул, налил еще.

Бекка встала, вылила себе остатки и сразу же поставила новую порцию.

– Хови, – начала она медленно, – не мог бы ты...

– Дай мне хоть кофе выпить. А завтрак ты приготовишь? – протянул он просительно, немного по-детски.

Подчеркнуто не обращая на него внимания, Бекка пошла в столовую. Мама сдержала слово – четыре нетронутые стопки лежали так, как Бекка их оставила. Она уселась, поставила чашку с кофе на подставку и стала перебирать бумаги. Наконец, она выбрала фото Геммы с ребенком – как будто одно прикосновение к снимку могло навести на след. Чем дольше она смотрела, тем меньше женщина напоминала Гемму. На снимке была просто плохо одетая незнакомка полувековой давности.

Она наконец отпила чуть теплый кофе, скорчила гримасу. Потом сложила бумажки вместе и убрала в резную шкатулку. Взвесив шкатулку на руке, Бекка поразились, как уже слабая тогда бабушка смогла перевезти такую тяжесть в дом престарелых. Тем более, что мама никогда шкатулку не видела. Но тут она вспомнила, что укладываться Гемме помогала патронажная медсестра. А сама Гемма всегда скрытничала. Особенно про прошлое.

– Загадка, завернутая в тайну внутри головоломки.

Это отец вошел с чашкой кофе и сел рядом.

– Черчилль, – отозвалась Бекка на автомате и добавила: – и Гемма.

Доктор Берлин взял дочь за руку. Все еще держа шкатулку, Бекка встала и чмокнула отца в макушку.

– Я собираюсь в редакцию «Защитника».

– Солнышко, похороны были только вчера. Никто не ждет тебя на работе. Мама хотела, чтобы мы сидели шиву семь дней.

– Я не работать, папа. Мне надо подумать.

– Это ты про шкатулку?

– Да, про шкатулку. Про ее содержимое. Про нашу загадку. Про...

– Про принцессу Шиповничек, – кивнул отец. – Если рядом Шана и Сильвия, думать невозможно. Если бы я не отменил все мои операции...

Он тихонько рассмеялся. Они переглянулись, словно делились семейной тайной.

– Иди, я тебя прикрою.

– Спасибо, папочка. Ты прелесть! Самый лучший папа в мире!

– У меня любимчиков нет, – напомнил отец с притворной серьезностью.

– Конечно-конечно, – улыбнулась Бекка уже на ходу, направляясь к двери.

Шкатулка была тяжелой и неудобной, но Бекка решила идти пешком. Погода была неожиданно мягкой, а здание редакции находилось всего в двух кварталах.

Бекка вышла на Школьную улицу. Возле своего дома пропалывал газон доктор Гренцке. Он помахал, однако ноша была слишком тяжелой, чтобы держать ее одной рукой, поэтому Бекка просто поздоровалась. Когда она миновала бакалейную лавку Монти с яркой неоновой рекламой пива и написанным от руки объявлением о распродаже, угол шкатулки начал больно впиваться в бок. Бекка испугалась, что может ее не удержать, поэтому поставила шкатулку на тротуар и снова подняла, обхватив поудобнее.

Возле Польского клуба шкатулку снова пришлось поставить. Бекка присела на корточки, и в это время кто-то свистнул ей с крыльца. Она обернулась, уже готовая сказать какую-нибудь резкость, но, к ее радости, это оказались мистер Стоковский с сыном Джейми. Джейми, на класс старше, был ее кавалером на выпускном балу. Джейми представлял в одном лице всех сыновей строительной фирмы «Стоковский и сыновья». Скоро уже будет фирма «Стоковский, сыновья и внуки», подумалось Бекке – подруга Джейми была беременна.

– Что это вы бездельничаете? – спросила Бекка, поднимая свой ценный груз.

– Перерыв! – воскликнули они хором. Какие же одинаковые у них голоса, просто жуть!

Бекка рассмеялась и пошла дальше.

Редакция газеты «Защитник» располагалась в перестроенной мельнице с видом на водопад на Мельничной реке. Жители Новой Англии, как частенько замечал отец Бекки, были страшно консервативны, когда дело касалось географических названий. Он знал по крайней мере семь Мельничных рек – в Массачусетсе и Коннектикуте. На мельнице всегда кипели жаркие споры, причем революционный пыл по накалу не уступал религиозному. Двести лет назад пастором в соседнем Нортгемптоне был знаменитый проповедник Джонатан Эдвардс, так что подобная страстность здесь вряд ли кого-то удивляла. Правда, теперь, в эпоху компьютеров, в отделе новостей стало чуточку поспокойнее. Монотонный гул водопада разнообразили только телефонные звонки да изредка – взрывы смеха. В независимой еженедельной газете даже смех был в режиме цейтнота. Когда Бекка только получила работу, Шана воскликнула: «Ну конечно, бесплатно для всех, кроме рекламодателей. Надеюсь, тебе-то заплатят». А Сильвия добавила: «Даже революционерам приходится платить по счетам».

Первые профессиональные статьи Бекки – если не считать опубликованных в «Софии», студенческой газете Колледжа Смит, – были как раз для «Защитника»: статья на разворот о «Доме Джесси» – местном приюте для женщин, пострадавших от домашнего насилия, и полторы колонки о Мерлин Брукс, писавшей лесбийскую научную фантастику на своей ферме в Монтагью. Мерлин один семестр преподавала писательское мастерство в Смите. Бекка училась у нее, пока политиканы и слабонервный Попечительский совет, сговорившись, не вышвырнули Мерлин. Во время встречи выпускников Бекка развесила по всему кампусу плакаты «ВЕРНИТЕ МЕРЛИН БРУКС» и «СОХРАНИМ ВОЛШЕБСТВО В СМИТЕ». Это, а еще две статьи

в «Софии» – сердитые и острые – прославили Бекку на весь колледж. Мерлин пообещала ей дружбу на всю жизнь. («Хоть ты и не лесбиянка, – объявила Мерлин высоким, как у маленькой девочки, голоском, – и совершенно не чувствуешь иронии».)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.